

Дуань Цунчжи на время отодвинул сомнения на задний план. Завидев вышедшего Цинь Кэ, он уже собирался спросить, не хочет ли тот пойти с ним на свадебный пир, но язык словно опередил мысли:

— Почему трубку не берешь?

Цинь Кэ промолчал.

Дуань Цунчжи тоже лишился дара речи.

Стоявший рядом Чжоу Цюань замер, боясь даже вздохнуть. Ему страстно захотелось провалиться сквозь землю: сцена уж слишком походила на супружескую проверку, и парень явно чувствовал себя лишним при столь деликатных обстоятельствах.

Сама по себе фраза была обыденной, но Цинь Кэ слышал подобное впервые. Он никогда и ни перед кем не отчитывался о своих перемещениях — просто не испытывал такой нужды. За любой свой шаг он отвечал исключительно перед собой и объяснений не давал никому.

Вопросу Цунчжи, хоть тот и прозвучал небрежно, явно сопутствовала искренняя забота, но суть оставалась прежней: это был самый настоящий допрос.

Поспешив отвести взгляд, Дуань Цунчжи попытался замять неловкость:

— Да я просто хотел спросить...

— Слушал доклад Чэн Юя по делам компании, — одновременно с ним заговорил Цинь Кэ.

Дуань Цунчжи оцепенел. Лишь пару секунд спустя до него дошло: Цинь Кэ всерьез ответил на его нелепый вопрос.

Глаза юноши невольно округлились. Надо же, Цинь Кэ действительно стал объясняться. Да еще так подробно: назвал собеседника и разложил по полочкам суть разговора.

Он понимал, что мужчина не станет злиться или упрекать его в излишней дерзости, но получить настоящее объяснение никак не ожидал. Такая уступчивость так и манила обнаглеть еще больше.

— Я еще и сообщение отправил, — поддел его Дуань Цунчжи.

Цинь Кэ достал телефон, взглянул на экран и примирительно произнес:

— Прости. Я редко проверяю входящие.

В век спама рекламные роботы веером рассылают сообщения по случайным номерам. Большая часть оседает в фильтрах, но кое-что все же прорывается. Те, кому Цинь Кэ действительно был нужен, никогда не писали текстовых сообщений. Его папка входящих ломилась разве что от уведомлений банков да оповещений мобильного оператора, так что заглядывать туда он не привык.

Цинь Кэ отыскал среди уведомлений строчку от Дуань Цунчжи и убрал телефон:

— Идем.

— Ты тоже хочешь пойти? — удивился Дуань Цунчжи. Он был уверен, что подобные деревенские праздники Цинь Кэ совсем не прельщают.

— Составлю тебе компанию, — отозвался тот.

В душу Дуань Цунчжи закралось смутное подозрение: не прошел ли Цинь Кэ тайком какие-нибудь курсы оболщения? От каждой его фразы сегодня сердце предательски замирало.

До соседней деревни было рукой подать. Хозяин двора подробно описал дорогу — нужно было просто идти по прямой, а на месте дом молодоженов легко отыщется по россыпи оберток от петард на обочине.

По пути они нагнали коллег по съемочной площадке. Всего набралось ровно десять человек — идеальный состав, чтобы занять целый столик. На деревенских свадьбах гостей никогда не рассчитывают до единого, хозяева всегда накрывают пару столов про запас, так что за нехватку мест можно было не переживать.

Прийти просто так поглазеть и набить желудки было бы верхом неприличия. Наличных у Дуань Цунчжи при себе не водилось, но выручил Чжоу Цюань, у которого нашлось пятьсот юаней на подарок.

Остальные члены съемочной группы решили сброситься по двести юаней с человека.

— Мы здесь люди случайные, — со знанием дела рассудил старший оператор. — Много дарить не нужно, чисто символически.

Дуань Цунчжи отсчитал две сотни и вложил их в ладонь Цинь Кэ, после чего увлек его к столу, где записывали имена дарителей.

Цинь Кэ впервые в жизни совали мятые купюры. Левый рукав его пиджака крепко держал Дуань Цунчжи, а в правой ладони лежали бумажки, еще хранившие тепло чужого тела. Он раскрыл ладонь: две розовые банкноты были аккуратно сложены вчетверо и покоились у него на руке.

Прикрыв глаза, он сжал пальцы, пряча деньги в кулаке.

Дуань Цунчжи так и лучился весельем. Он попытался объяснить деревенскому регистратору, какими иероглифами пишется его имя, но после пары неудачных попыток просто взял ручку и вывел их на бумаге сам, приписав рядом имя Цинь Кэ.

Старик-регистратор зычно произнес на ломаном путунхуа:

— От одной семьи — одна запись!

Дуань Цунчжи понятия не имел, по какому такому признаку их записали в одно домохозяйство, но спорить не стал. Раз не положено делать две записи, то и настаивать незачем.

Сам факт того, что он снабжает деньгами могущественного Цинь Кэ, наполнял душу юноши странным, почти озорным восторгом. С тихим смешком он всунул в его пальцы оставшуюся сотню:

— Держи, это тебе на карманные расходы.

Слегка досадно было лишь то, что регистратор, судя по всему, поленился выводить сложные иероглифы имени Дуань Цунчжи. Он выбрал то, что попроще, и занес в красную книгу дарителей имя Цинь Кэ. Так сорвалась блестящая возможность примерить на себя роль «главы семьи».

Праздник шумел вовсю. Никаких напыщенных ведущих или чинных клятв здесь не было. Молодожены в сопровождении свидетелей обходили столы один за другим, принимая поздравления. Гости, а пуще всех — местная детвора, наперебой устраивали новоиспеченным супругам шуточные испытания, выторговывая за их прохождение горсти праздничных сладостей.

Новобрачная с улыбкой подыгрывала малышам и щедро осыпала их конфетами.

Процессия медленно продвигалась вперед. Пока чета задерживалась у дальних рядов, гости спокойно уплетали угощения, но стоило молодым приблизиться, как палочки откладывались в сторону в ожидании тоста.

Жених прикладывался к чарке с водкой, невеста же скромно пригубляла сок. Влюбленные не щеголяли изысканной красотой, да и жених уступал суженой в росте, однако сияющие от счастья лица делали их невероятно гармоничной парой.

У соседнего стола поднялся невообразимый гвалт. Селяне наперебой кричали на местном диалекте, сыпля скороговорками. Дуань Цунчжи мало что понимал из их наречия, но по жестике угадал: гости требовали, чтобы невеста осушила бокал до дна.

Та лишь смущенно пряталась за широкую спину мужа. Тот простодушно улыбался и, разводя руками, что-то объяснял. По губам и жестам стало ясно — невеста в положении.

Девушка залилась пунцовой краской, а толпа с удвоенным азартом принялась насесть на жениха, требуя, чтобы он пил за двоих.

Дуань Цунчжи скользнул взглядом по ее фигуре.

"Так вот оно что. А я-то решил, что она просто крупная девушка"

Когда очередь дошла до их импровизированного стола, молодой парень заметно оробел и замялся, растеряв всю былую удаль. С соседних мест на них тоже уставились с живым любопытством. В этой глуши все знали друг друга как облупленных, молодые выросли на этих же улицах, и лишь горстка столичных гостей выделялась ярким пятном среди сельской родни.

Чтобы разрядить обстановку, Дуань Цунчжи поднялся, поднял пиалу и произнес душевный тост. Коллеги дружно подхватили почин, а их штатный сценарист и вовсе разразился такой велеречивой хвалебной одой, что деревенские слушали его раскрыв рты.

Растроганный жених, не находя слов от нахлынувших чувств, лишь молча осушал кубок за кубком в знак признательности.

Цинь Кэ тоже негромко произнес слова поздравления.

Закончив с обходом, новобрачные двинулись дальше. Однако одна из подружек невесты, помогавшая разносить напитки, всю дорогу не сводила с Дуань Цунчжи восторженного взгляда. Минут через пять после ухода процессии она тихонько выскользнула из толпы и направилась к их столу.

Девушка присела рядом с его стулом. Дуань Цунчжи удивленно склонил голову, силясь понять, что за секреты посреди пира.

— Сяо Дуань-гэ? — прошептала она одними губами.

— Мы знакомы? — так же тихо спросил он.

Щеки девчушки мгновенно порозовели от волнения. Сдерживая подступающий визг, она зашептала:

— Я из твоего фан-клуба! Я твое Луковое колечко!

Дуань Цунчжи опешил.

— Мне сестра рассказала, что в соседней деревне кино снимают, я как раз собиралась завтра на разведку сходить. Это правда вы? «Вопрос к мечу»?

Вместо прямого ответа Дуань Цунчжи с шутливой укоризной приподнял бровь:

— Хороша преданная фанатка: заставила своего кумира согнуться в три погибели, чтобы поговорить.

Собеседница смутилась, а затем, едва сдерживая смех, выпрямилась во весь рост:

— Ой, Сяо Дуань-гэ, мог бы сразу сказать, что тебе неудобно!

Дуань Цунчжи, доселе лишь тайно шпионивший за фанатскими обсуждениями в сети, впервые столкнулся со своим почитателем лицом к лицу. В нем проснулся живой азарт:

— Автограф нужен? — Он ведь еще никому не расписывался.

Девчушка поспешно выудила из кармана смартфон:

— Лучше селфи!

Стоило счастливнице упорхнуть обратно к подружкам, как за столом зашумели, поздравляя парня с первым успехом. Раз уж начали узнавать в такой глуши — слава не за горами.

Большинство из присутствующих работали в компании Чуанши не первый год и повидали всякого: и стремительные взлеты однодневок, и возвращение старых звезд, и тех, кто годами прозябал на вторых ролях, прежде чем вытянуть счастливый билет. Так что их слова были не пустой лестью, а искренним пожеланием удачи.

Дуань Цунчжи легонько звякнул бокалом о край стеклянного круга в центре стола и махом осушил его:

— Вашими бы молитвами!

Стоило столам ломиться от праздничной снеди: жирные утки, рыба, тушеное мясо и даже лапша с абалонами. Вот только специй деревенские повара не пожалели, и для изысканного вкуса Дуань Цунчжи еда казалась чересчур тяжелой. Да и к шумному деревенскому балагану он особой любви не питал.

Тем не менее, само искреннее народное веселье грело душу. Не притрагиваясь к горячему, юноша потягивал легкое пиво, лениво шелушил соленый арахис одной рукой и закидывал орешки в рот, вполоборота слушая болтовню за столом. Из их компании за столом сидели в основном мужчины, за исключением двух девушек-гримеров.

В разгар застолья у старшего оператора зазвонил телефон — на проводе была супруга. Его

лицо мгновенно приняло заискивающий вид, и он зачастил в трубку:

— Да солнышко мое, ни капли не пью, честное слово! Тут просто свадьба у местных, мы заглянули ненадолго. Завтра же ни свет ни заря смена. Не веришь — спроси у девчонок, у Сяо Ван например.

Стоило ему нажать отбой, как со всех сторон посыпались смешки:

— Что, благоверная инспекцию устроила?

— И не говорите, — вздохнул тот. — На площадке беззвучный режим включил, да забыл убрать. Хватился — а там уже три пропущенных.

Цинь Кэ бросил на Дуань Цунчжи мимолетный взгляд, задумчиво покачивая бокал, к которому так и не прикоснулся. Тот ничего не заметил, увлеченный общим весельем.

Оператор сделал глоток пива, со вздохом покачал головой и пожаловался:

— Наяривает по три раза на дню. Заладила: мол, у вас там актрисы одна краше другой. Будто им сдался пожилой мужик с камерой!

Гризерши прыснули со смеху:

— А сами-то пивко потягиваете! Смотрите, настучим жене.

— Ого! — заулюлюкали мужики. — Ну и дела! Выходит, супружница к тебе личную охрану приставила?

За столом покатались со смеху.

Дуань Цунчжи хохотал вместе со всеми. Сквозь пелену смеха он скользнул взглядом по Цинь Кэ и внезапно натолкнулся на ответный взор. В неровном золотистом сиянии ламп праздничный хаос вокруг словно подернулся дымкой. Голоса, взрывы хохота и звон бокалов слились в монотонный гул, уплывая куда-то далеко-далеко. Весь мир точно отгородился от них невидимой хрустальной стеной, оставив наедине. Дуань Цунчжи завороченно всматривался в омут этих темных глаз, ловя в них блики дешевых гирлянд и свое собственное крошечное отражение.

Юноша резко тряхнул головой, приходя в себя. Сердце пустилось вскачь, гулко колотясь в груди. Спешно опустив глаза, он схватился за бокал и сделал большой глоток, пряча пылающие щеки.

В этом мимолетном безмолвном диалоге родилось нечто хрупкое и неизведанное, медленно пуская корни в их душах.

К моменту, когда они пустились в обратный путь, ночь окончательно вступила в свои права. Дорога под ногами похрустывала мелкой галькой. Коллеги ушли немного вперед; их веселые голоса далеко разносились в гулкой тишине окраин, а из темноты дворов им лениво вторил редкий собачий лай.

Хотя ужин Дуань Цунчжи прошел всухомятку, на душе у него было на редкость легко и тепло. Просто оттого, что Цинь Кэ, этот вечно занятой и холодный человек, безропотно вынес абсолютно чуждый и бессмысленный для него праздник ради того, чтобы побыть рядом. Они шагали плечом к плечу. Луна, повисшая за спиной, отбрасывала длинные тени. Дуань Цунчжи забавлялся тем, что наступал на собственный силуэт, а усыпанная гравием дорожка серебрилась под ночным светилом, убегая в бесконечность.

На развилке съемочная группа свернула к своему постоянному двору. Дальше они шли одни. Вокруг воцарилась глубокая тишина, нарушаемая лишь шорохом шагов и ровным дыханием друг друга.

Внезапно Цинь Кэ нарушил молчание:

— Супружеская проверка?

Дуань Цунчжи изумленно моргнул. Надо же, этот ледяной истукан тоже прислушивался к досужим рассказам оператора! Он покосился на спутника с легкой усмешкой: неужели на свете бывают мужчины, не знающие подобных вещей? Впрочем, Цинь Кэ и впрямь мог оставаться в счастливом неведении. У него отродясь не водилось приятелей, способных травить подобные байки за кружкой пива.

Поразмыслив, Дуань Цунчжи решил объяснить суть явления попроще:

— Ну, это когда благоверная звонит в самый неподходящий момент, просто чтобы узнать, чем занят ее ненаглядный и не завел ли он интрижку на стороне. — Он тихонько рассмеялся, словно пересказывая анекдот. — А если трубку не берешь, то жди, что разгневанная супруга сама явится с обыском.

Цинь Кэ промолчал.

Юноше нравилось, как мелкие камешки хрустят под подошвой, поэтому он ступал нарочито тяжело. Молчание спутника не тяготило его — мерный шорох гравия заполнял пустоту, создавая странный уют. Но вдруг Дуань Цунчжи застыл на полушаге.

Он медленно пошел дальше, прокручивая в голове собственные слова.

Настойчивые звонки... отсутствие ответа... личный визит с расспросами...

"Отчего этот сценарий кажется мне до боли знакомым?!"

<http://bllate.org/book/18330/1765587>